

50-летие ПОБЕДЫ: СОБЫТИЯ, ВОСПОМИНАНИЯ, МНЕНИЯ

© 1996 г., ЭО, № 1

А. М. Решетов

ОТДАНИЕ ДОЛГА. ЧАСТЬ III.

Институт этнографии АН СССР во время
Великой Отечественной войны
(некоторые вопросы истории)*

В Ленинграде оставалась небольшая группа сотрудников — всего 21 человек, в том числе и о. старшего научного сотрудника, уполномоченный по Институту Р. И. Каплан-Ингель, а также старший научный сотрудник, кандидат этнографии К. В. Вяткина, младшие научные сотрудники В. В. Антропова, М. Д. Торэн и В. В. Федоров, заведующая канцелярией А. Н. Калдыкина. Остальные составляли обслуживающий персонал. Руководитель группы архитектор Р. И. Каплан не поощрял занятий научной деятельностью, так как был некомпетентным в этнографии. Основное внимание он уделял музейной работе.

Уже 12 июля 1942 г. были заново распределены обязанности по наблюдению и охране коллекций и имущества Института между научными и научно-техническими сотрудниками по отделам и участкам. К. В. Вяткина отвечала за Отдел Восточной и Южной Азии (Япония, Китай, Монголия, Индия, Индонезия) и Отдел антропологии; М. Д. Торэн — Европа, Океания и Первый отдел (вводный, на 3-м этаже нового флигеля) и фонды; В. В. Антропова — Сибирь, Средняя и Передняя Азия, архив; С. И. Чухман — Америка, Африка; В. В. Федоров — археология, фонды; Х. А. Штейн придавался в помощь М. Д. Торэн и В. В. Федорову по охране, наблюдению за ценностями и обслуживанию фондов; А. А. Белоус — фотонегативы и фотолаборатория¹. В связи с эвакуацией части сотрудников был изменен и заново утвержден состав унитарной команды: химзвено из четырех человек (командир В. В. Федоров), санзвено также из четырех человек (командир А. А. Белоус) и пожарное звено из девяти человек (командир Е. А. Максимова)².

У оставшихся в Ленинграде возросла нагрузка, связанная с перепиской и ответами за запросы о сотрудниках Института. Одни запрашивали документы на родственников, погибших во время войны или блокады. Другие интересовались сражавшимися на фронтах. Третьих волновала судьба квартир эвакуированных из Ленинграда родственников и т. д. Особенно активной, естественно, была переписка с теми сотрудниками, которые эвакуировались в Ташкент. Хорошо зная о тяготах и лишениях блокадной жизни, уехавшие коллеги еще с дороги начали присылать в Институт посылки...

В самом конце 1942 г. Президиум АН СССР неожиданно принял решение о замене руководства Института этнографии АН СССР. Существует предположение, что непосредственным поводом для освобождения И. Н. Винникова от должности директора явилось некое «криминальное» письмо, отправленное им заместителю директора С. М. Абрамзону. Из-за отсутствия в Ленинграде Абрам-

* Начало III ч. статьи см. ЭО, 1995 г., № 6.

зона письмо директора по решению группы сотрудников Института было вскрыто и предано гласности.

После долгих поисков мне удалось обнаружить копию этого письма в архиве чл.-корр. АН СССР, проф. В. И. Равдоникаса. То, что эта копия аналогична подлиннику, подтверждает другая копия, снятая Д. А. Ольдерогге и хранящаяся в его домашнем архиве. Наличие независимых копий, снятых в те далекие времена, свидетельствует о большом интересе и резонансе, которое письмо Винникова вызвало в научных кругах. Именно поэтому, как мне представляется, необходимо привести этот документ полностью, особенно в связи с рассматриваемой нами темой.

«24.VII.1942 г. Дорогой Саул Матвеевич, я полагаю что Вы добрались благополучно до Казани. Очень жаль, что Вы не телеграфировали мне с дороги, в частности, о благополучном переезде через Озеро³. Я все волнуюсь. Не могу дождаться вести о Вас. Обыкновенные телеграммы, поданные в Казани, получают здесь на 6 или 7 день. Поэтому по спешным вопросам надо сноситься срочными телеграммами, которые, как правило, получают на второй день.

В целях укрепления академических учреждений и повышения их авторитета предполагается на ближайшей сессии Академии Наук, которая состоится ранней осенью, выбрать целый ряд новых академиков и членов-корреспондентов. Выдвижение кандидатов уже началось давно. Мне кажется, что наш Институт, как никогда раньше, нуждается в укреплении. Я в этом неоднократно убеждался. Особенно в настоящий момент, когда предстоит устраиваться на новом месте в очень тяжелых условиях⁴, авторитет руководства Института приобретает исключительное значение.

В интересах развития нашей науки и обеспечения условий для завоевания ею соответствующего места в ряду общественных наук, представляется совершенно необходимым укрепление руководства Института и повышение его авторитета. Учитывая главным образом это обстоятельство, академик В. М. Алексеев⁵ по собственной инициативе выдвинул меня в члены-корреспонденты. Он направил представление в Отделение языка и литературы и написал также академику-секретарю Отделения истории и философии В. П. Волгину. Я со своей стороны обдумываю план присуждения ученой степени Вам. Полагаю, что мне удастся это устроить. Это до известной степени вознаградит Вас за Вашу самоотверженную и героическую работу по сохранению Института, его материальных и людских ценностей. Мое отношение к Вашей работе подробно изложено в моем письме к Вам от 9 июля.

Если Вы согласны с моей точкой зрения, а мне кажется, что у нас существует полное единство в этом вопросе,— я попрошу Вас принять все зависящие от Вас меры к обеспечению успеха этого дела. В частности, Вам надлежало бы обратиться с объяснительной докладной запиской в ЦК ВКП(б) (Отдел кадров или Отдел науки), где будет согласовываться вопрос о выдвинутых кандидатах. Вам это нетрудно будет сделать, так как в 1938 г. Вы, как будто, что-то обо мне писали и говорили, когда Институт выдвигал меня в члены-корреспонденты. Если ЦК ВКП(б) не будет дано соответствующее указание В. П. Волгину, вряд ли моя кандидатура пройдет: слишком много выдвинуто кандидатов и слишком недоброжелательно относятся ко мне некоторые, к сожалению, влиятельные академики. Ваша докладная записка должна содержать следующие элементы:

а) Общая характеристика состояния Института этнографии и положение этнографии в нашей стране;

б) указание на ненормальность и недопустимость того положения, что в составе АН нет ни одного академика и ни одного члена-корреспондента по специальности этнографии, при той роли, которую должна играть в нашей стране этнография;

в) указание на то, что в Институте этнографии,— одном из крупнейших учреждений АН,— нет ни одного академика и есть только один член-корреспондент по специальности славянской филологии;

- г) общая характеристика моей научной и педагогической деятельности;
- д) указание на то, что моя кандидатура в директора Института этнографии была выдвинута Горкомом Ленинграда и поддержана ЦК ВКП(б);
- е) указание на то, что я был выдвинут в члены-корреспонденты в 1938 г., но не баллотировался из-за недостатка вакансий.

Было бы хорошо, если бы обратились от лица Института также к В. П. Волгину. Письмо В. П. Волгину должно содержать те же элементы.

Я хочу Вас заверить, дорогой Саул Матвеевич, что обращаясь к Вам с этим делом, я меньше всего преследую личные цели. Это прежде всего требуют интересы нашего общего дела, которому мы посвятили всю нашу жизнь и для процветания которого мы готовы на любые жертвы.

Ф. Б. Шапиро, думаю, сделал все, что мог, чтобы облегчить Вашу жизнь в Казани. Он будет совершенно незаменим при устройстве Института на новом месте.

Ко мне обратился Стратанович с просьбой о восстановлении на работе. Я ответил ему через Ф. Б. Шапиро, что должен воздержаться от этого, пока не получу от Вас точных сведений о причинах его увольнения.

До сих пор я ничего не получил от моей невестки. Я телеграфировал ей срочно, как только получил Вашу телеграмму, но ответа не имел. Может быть, Вы что-нибудь знаете о ней.

Жду с нетерпением сведений от Вас.

Всего доброго. Искренне Ваш И. Винников. Мария Ефимовна просит передать Вам сердечный привет»⁶.

Очевидно, письмо было прочитано лицами, которым оно не предназначалось, около середины августа 1942 г. Не буду анализировать текст письма. Сегодня оно читается и воспринимается несколько иначе, чем в то время, по свежим следам и в соответствии с общей обстановкой в стране. Можно понять стремление И. Н. Винникова попасть в члены-корреспонденты АН СССР. Его избрание, несомненно, повысило бы личный престиж и могло способствовать в сложное военное время решению тех вопросов, в которых были заинтересованы сотрудники Института как в блокадном Ленинграде, так и в Ташкенте.

Однако совершенно очевидно и другое. А именно желание Винникова быть избранным в АН СССР с помощью членов Академии, с которыми он был в Боровом, а также своих ближайших помощников в Институте, в первую очередь С. М. Абрамзон, которому он щедро обещал степень кандидата исторических наук. Расчет был прост: *Do ut des*⁷.

Неизвестно, что в сложившихся условиях успел сделать для выполнения поручения шефа С. М. Абрамзон. В ноябре 1942 г. Винников приехал в Ташкент и приступил к прямому исполнению обязанностей директора Института этнографии АН СССР. 1 декабря он подписал приказ о зачислении в штат Института на должность младшего научного сотрудника Отдела Сибири Е. Д. Прокофьевой, а 21 декабря на должность старшего научного сотрудника Отдела Передней и Средней Азии А. А. Семенова⁸.

Тогда же, 21 декабря 1942 г. состоялось заседание Президиума АН СССР. На нем по докладу вице-президента акад. В. П. Волгина «Об Институте этнографии АН СССР» было принято следующее постановление: «1. Освободить проф. И. Н. Винникова от занимаемой должности директора Института этнографии АН СССР.

2. И. о. директора Института этнографии АН СССР назначить д.и.н. С. П. Толстова, сохранив за ним должность заведующего Московским отделением Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР.

Назначить заместителями заведующего Московского отделения Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра: по Московской группе старшего научного сотрудника В. Н. Чернецова, по Ташкентской группе проф. А. Ю. Якубовского.

3. Разрешить Институту этнографии организовать Московскую группу, пере-

дав этой группе из Комиссии по этногенезу при Отделении истории и философии АН СССР Группу карт народов с бюджетом и штатами.

Непосредственное руководство Московской группой Института этнографии возложить на и.о. директора Института доктора исторических наук С. П. Толстова.

Президент Академии Наук СССР
Секретарь Президиума
Академии Наук СССР

академик В. Л. Комаров
академик Н. Г. Бруевич»⁹.

В Ташкент проф. И. Н. Винникову *post factum*¹⁰ была послана телеграмма следующего содержания: «Постановлением Президиума АН СССР от 21 декабря Вы освобождены от должности директора Института этнографии. Исполнение обязанностей директора возложено на проф. Толстова. Вице-президент АН Волгин»¹¹.

Эти документы я намеренно привожу полностью, чтобы показать, что все было сделано келейно. Отчет директора Института Винникова не заслушивался. Никакого плана основных мероприятий по восстановлению и перестройке работы Института намечено не было, тем более что изменялся научный статус и научная деятельность института, как утверждалось позднее¹².

Проф. Винников даже не предполагал о готовившемся мероприятии, о чем свидетельствует его подробное и аргументированное письмо Президенту АН СССР акад. В. Л. Комарову¹³.

Несомненно, о готовившемся решении знал С. П. Толстов. Можно предположить, что не только знал, но и в меру сил, используя свои связи в Президиуме, способствовал принятию такого решения. А связи у Толстова были. Именно они помогли ему выйти победителем в борьбе за руководство московским отделением Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР (ИИМК), оттеснив С. В. Киселева и А. В. Арциховского¹⁴.

Вскоре Толстов, уже став директором Института этнографии АН СССР и сохраняя за собой пост заведующего московским отделением ИИМК, попытался объединить оба эти учреждения под своим руководством. Однако осуществить этот далекоидущий план ему все же не удалось.

Как представляется, в смене руководства Института этнографии приведенное выше злополучное письмо сыграло свою роль, хотя и не следует преувеличивать его значение. Оно явилось лишь поводом для перевода центра этого Института в Москву. Именно в военные годы руководство Академии наук самостоятельно или по указанию сверху начало проводить политику перевода крупных научных учреждений или по крайней мере их центров в Москву.

К концу 1942 г. центр Института этнографии АН СССР находился фактически в Ташкенте. Как было воспринято сотрудниками Института известие о смене руководства и перспективах развития, сказать сегодня трудно. Но некоторые данные все же удалось отыскать в петербургских архивах.

Один из ведущих сибиристов А. А. Попов в письме из Ташкента заведующему Отделом М. А. Сергееву 18 января 1943 г. писал: «Очень жалко, что нет здесь Вас вместе с нами. Не с кем поговорить, не с кем как следует посоветоваться. Отношением дирекции (теперь уже экс-дирекции) очень недоволен. Видишь, что люди стараются только делать свою карьеру, а на дело наплевать. Ну да бог с ними! Не знаю, что даст новая дирекция?»

В общем следует сказать, что старая дирекция получила поделом. Наш директор приехал к нам с большим апломбом, рассказывал, как он в Боровом проводил время и как они — Фрейман¹⁵, акад. Алексеев и др. — занимались весьма серьезными делами — устраивали торжественные заседания, где выступали с некрологами об умерших товарищах. Причем торжественно добавлялось, что об умерших получали самые точные сведения. Какой цинизм!

Простите за мою резкость, бездельники вместо того, чтобы думать, как бы помочь умирающим, трусы, первыми убежавшие из Ленинграда, занимались

пуфами¹⁶. Через некоторое время после приезда директора грянул гром. Получилась телеграмма от Волгина освободить Винникова от должности директора, Абрамзону ехать в Москву для сдачи дел новому директору Толстову. Будет ли существовать наш институт самостоятельно? В общем перспективы неважные»¹⁷.

Многочисленные письма, с которыми мне удалось познакомиться в архивах, свидетельствуют, что сотрудники с нескрываемой тревогой и исключительным вниманием следили за развитием ситуации.

С начала 1943 г. Институт этнографии по существу уже состоял из трех групп: ленинградской, ташкентской и московской. Даже сегодня трудно разобраться в организационных проблемах, которые хотел решить новый директор. Хотя С. П. Толстов был назначен директором Института, центр которого временно находился в Ташкенте, он совершенно очевидно направил основные усилия на укрепление московской части, в которой он, как представляется, сразу уже видел центр Института.

Приказом директора в Москву на работу были зачислены первые научные сотрудники — известные ученые В. В. Богданов, М. О. Косвен и В. К. Никольский, 5 февраля на должность и.о. ученого секретаря был приглашен М. Г. Рабинович, который 11 февраля принял дела у С. М. Абрамзона, вызванного с этой целью из Ташкента в столицу¹⁸.

Таким образом, своим первые действия С. П. Толстов, как директор, направил на формирование научного коллектива и административного центра Института в Москве. Так, с 1 февраля М. О. Косвен был зачислен не просто на должность старшего научного сотрудника, а на должность заведующего Отделом Кавказа (в связи с трагической гибелью в ленинградской тюрьме А. Н. Генко), тогда вакантную¹⁹, В. В. Богданов — на должность старшего научного сотрудника Отдела Европы²⁰.

1 марта на вакантную в Институте должность заведующего Отделом Австралии и Океании был утвержден С. А. Токарев²¹. В докторантуру привлечен В. Н. Чернецов, в аспирантуру 10 мая был зачислен Г. Г. Стратанович²². С 1 апреля в штате уже числился Е. М. Шиллинг²³. Московская часть Института росла стремительно. К 20-м числам августа она уже насчитывала 29 научных работников, в том числе 18 штатных (из них 9 докторов, профессоров, 3 доцента, 3 кандидата, 4 старших научных сотрудника без степени, 1 младший научный и 1 научно-технический сотрудник), 2 докторанта и 9 аспирантов²⁴.

Помимо уже известных лиц назову В. В. Бунака, Г. Ф. Дебеца, Б. А. Рыбакова, Т. А. Трофимову, Н. Н. Чебоксарова. Как признавал сам С. П. Толстов, были «собраны все бывшие налицо этнографы» в Москве²⁵. К этому времени большинство постов заведующих отделами заняли москвичи: С. А. Токарев возглавил Отдел Австралии, Океании и Америки, М. О. Косвен — Отдел Кавказа и Европы, С. П. Толстов — Отдел Восточной, Передней и Средней Азии, Б. А. Рыбаков — Отдел археологии, В. В. Бунак — Отдел антропологии²⁶. В Москве был сформирован и утвержден Президиумом АН СССР Ученый совет, в состав которого вошли академики Б. Д. Греков и Н. С. Державин, члены-корреспонденты АН СССР А. Д. Удальцов и Д. К. Зеленин, профессора и доктора С. П. Толстов, С. А. Токарев, Н. В. Кюнер, И. И. Зарубин, В. В. Богданов, М. О. Косвен, В. В. Бунак, Г. Ф. Дебец, Б. А. Куфтин, Д. А. Ольдерогге...²⁷.

Все эти события хронологически выстроены мною по архивным материалам, но мне кажется необходимым привлечь свидетельство современника тех дней. Думаю, что мнения С. А. Токарева и Д. А. Ольдерогге являются авторитетными и к ним следует отнестись с доверием.

В своем дневнике С. А. Токарев 9 апреля 1943 г. записал: «Разговор с Толстовым о структуре Ин-та Этнографии и планах работы. Он хочет изменить структуру: укрупнить отделы (Европа, Сибирь, Ближний и Средний Восток, включая Африку, Дальний Восток с Индонезией, Австралия и Океания с Америкой...)»²⁸. Справедливости ради отмечу, что в то время широта планов, увлеченность пере-

стройкой на радостях так увлекали С. П. Толстова, что он мыслил фантастическими категориями. Запись в том же дневнике от 8 октября: «В И. Э. ...разговор с Толстым о плане работы — моей и отдела Австралии, Океании и Америки. Т. настаивает на включении в перспективный план — этнографической экспедиции на Нов. Гвинею: я считаю это фантастикой и не думаю, чтобы кто-нибудь согласился поехать на долгий срок (а на короткий срок нет смысла) в эту нездоровую местность; но на всякий случай в план поставлю. Основное содержание плана работы — составление многотомника „Народы мира“...»²⁹.

В письме к М. А. Алексею от 12 сентября 1943 г. Д. А. Ольдерогге писал из Ташкента: «Наш институт перестраивается заново, постепенно превращаясь в московское учреждение. В Москве организован Ученый Совет Института, где собраны все этнографы Москвы и Ленинграда. Центр Института — Москва. Заметно стремление, воспользовавшись эвакуацией, сосредоточить Академию Наук в Москве, оставив в Ленинграде лишь филиалы. Так сделали с Институтом истории материальной культуры. Московское его отделение — центр, а Ленинградский центр превратили в филиал. С Ташкентской группой нашей (мое впечатление) не считается — пульс жизни в Москве...»³⁰.

...Попыткой провести еще некоторые глубокие преобразования является поездка С. П. Толстова в сопровождении В. Н. Чернецова в Ленинград, куда он прибыл 22 августа 1943 г. и находился там около недели. 26 августа состоялось общее производственное совещание сотрудников ленинградской группы Института этнографии АН СССР, на котором новый директор выступил с докладом. Протокол записи этого выступления выглядит следующим образом:

«С. П. Толстов знакомит совещание с причинами, вызвавшими смену руководства Института: постепенное снижение авторитета Института, как советского научного учреждения. Фактическое самоустранение руководителя Института от руководства во время войны. Прежняя точка зрения руководства Винникова пошла по пути отграничения этнографии от смежных дисциплин (напр., от истории, фольклора, антропологии, археологии и т. п.).

Антропология и археология оставлены только в Музее, но не в Институте. Этнография обратилась в описательную науку. Выпарилась у нее живая мысль настолько, что, например, журнал „Советская этнография“ потерял интерес для широких масс. Характерен такой факт, что представитель Академкниги возражал против включения в план издательства „Советской этнографии“ ввиду отсутствия интереса к ней со стороны книжного рынка.

Необходимо резко изменить курс. Этнография призвана играть огромную государственную роль. Война помогла выявить роль этнографии и ее задачи.

Страна требует от этнографии освещения следующих вопросов: 1) этнический состав различных стран, находящихся в центре мировой политики.

2) Война ведется на разных территориях. Надо знать, с какими народами придется столкнуться. Каков у них быт и материальная культура.

3) Национальный вопрос. Фашисты лгут об истории народов, откуда они произошли и об их взаимодействиях. Надо объективно осветить вопрос о происхождении народов (этногенез).

Не надо отгораживаться от фольклора, антропологии. Они помогают разобраться в ряде вопросов. Надо тесно связывать работу этнографов с работой историков и работниками других смежных дисциплин.

Эта установка поставлена перед ташкентской группой и принята ею с энтузиазмом.

Надо организовывать группу в Москве...»³¹.

Очевидно, каждый документ рассматривается в контексте своего времени иначе, чем по истечении определенного времени, например, сегодня, когда мы имеем возможность взглянуть на происшедшие события, зная историю до и после них. Что же говорить о необходимости создания московской группы, если к этому времени она насчитывала 29 сотрудников, т. е. численно превосходя как ленинградскую, так и ташкентскую группу в отдельности.

Учитывая потери от голода в блокадном Ленинграде и на фронтах Великой Отечественной войны, две последние группы были сильно ослаблены. Оставшиеся в живых практически все пережили трагическую зиму 1941/42 г. в Ленинграде, в меру сил работали именно над той тематикой, о которой говорил директор. С. П. Толстов был не прав, упрекая прежнее руководство в недооценке сотрудничества с представителями смежных наук.

Согласно постановлению Президиума АН СССР от 5 июля 1937 г., Институт этнографии АН СССР обязан был строго соблюдать свой этнографический профиль, археология передавалась в ИИМК, а работы по антропологии должны были быть сосредоточены в Институте антропологии при МГУ. Только благодаря наличию в Музее этнографии богатейших археологических и антропологических коллекций Институту удалось добиться сохранения кадров антропологов и археологов для развития соответствующих отделов.

Позднее, в 1939 г., выполняя постановление Президиума Академии наук, Институт этнографии передал в Институт литературы АН СССР фольклорную комиссию³². Однако справедливости ради все-таки отмечу, что и после 1937 г. антропологические, археологические и фольклористические работы по-прежнему проводились в Институте, правда, по ряду причин не в прежнем объеме. К работе Института и к его руководству никогда никем не высказывались никакие претензии.

Таким образом, из всех заявленных С. П. Толстовым причин смены руководства остается только та, которую он определил как «фактическое самоустранение руководителя Института от руководства во время войны».

По итогам пребывания С. П. Толстова в ленинградской части им было издано распоряжение за № 12 от 28 августа 1943 г. В нем говорилось: «За образцовое состояние зданий и коллекций Института этнографии, явившееся результатом самоотверженной работы коллектива Ленинградской группы Института, уполномоченному Института этнографии по Ленинграду и.о. старшего научного сотрудника Р. И. Каплан-Ингелю и всем научным, научно-техническим и техническим сотрудникам и рабочим Ленинградской группы Института этнографии, а именно т.т. Вяткиной К. В., Антроповой В. В., Федорову В. В., Торэн М. Д., Аверьяновой В. С., Калдыкиной А. Н., Максимовой Е. А., Макаровой А. А., Штейн Х. А., Константиновой М. Т., Андросовой Н. В., Артамоновой П. Н., Каплан З. И., Васильевой Е. И., Кармановой О. П., Егоровой Е. Е., Евстратовой М. В., Горюновой А. Ф. — объявляю благодарность с занесением в личное дело.

Предлагаю уполномоченному Института этнографии т. Р. И. Каплан-Ингелю принять все меры к обеспечению и в дальнейшем столь же дисциплинированной и систематической работы по охране коллекций и здания. Задача сохранения здания и коллекций, пока враг находится у ворот Ленинграда, остается главной задачей работы Ленинградской группы Института.

В целях улучшения организации проводимой научными сотрудниками в свободное от работы по охране коллекций и здания время научно-исследовательской работы, создать при Ленинградской части Института научно-исследовательскую группу в составе и.о. ст.н.с. Р. И. Каплан-Ингеля, ст.н.с. канд. наук К. В. Вяткиной, м.н.с. В. В. Антроповой, м.н.с. М. Д. Торэн, м.н.с. В. В. Федорова. Заседания группы проводить по графику, утвержденному уполномоченным Института этнографии по Ленинграду т. Каплан-Ингелем.

Исполнение обязанностей ученого секретаря при уполномоченном Института этнографии по Ленинграду возложить на канд. наук. ст.н.с. К. В. Вяткину.

В качестве постоянного ученого консультанта научно-исследовательской группы утвердить профессора, доктора Ю. П. Францева.

Исследовательская работа научных сотрудников Института должна проводиться только в выделенное для этого распоряжением уполномоченного Института этнографии по Ленинграду дни и часы и ни в коем случае не в ущерб выполнению основных работ, связанных с охраной коллекций и здания...»³³.

Во время пребывания в блокадном Ленинграде С. П. Толстов предпринял еще

одну, быть может, последнюю попытку объединения Института этнографии и ИИМК. Именно с этой целью он взял себе в компаньоны для ленинградской поездки В. Н. Чернецова. На мой вопрос М. Г. Рабиновичу, тогдашнему Ученому секретарю Института этнографии в Москве, я получил ответ, который уточнял некоторые обстоятельства дела. «Я помню,— отмечал Михаил Григорьевич,— что Сергей Павлович ездил с Чернецовым в Ленинград как раз потому, что там мог возникнуть (кажется, и возник) ряд общих вопросов, касавшихся и этнографии, и археологии»³⁴.

Успехи на фронтах в 1943 г. и особенно в 1944 г. создавали новые, более благоприятные возможности. Это проявилось прежде всего в возобновлении экспедиционной деятельности. Уже в 1943 г. выехала в этнографическое поле Е. Э. Бломквист, изучавшая быт казаков-уральцев. В 1944 г. работали дагестанская (руководитель Е. М. Шиллинг) и полтавская (руководитель Н. Н. Чебоксаров) экспедиции. В Туркмении собирала материал В. Г. Мошкова, в Киргизии — С. М. Абрамзон, у дунган Средней Азии — Г. Г. Стратанович и т. д.³⁵

Определенная стабильность позволяла разворачивать все шире и шире научно-исследовательскую работу. 30 ноября 1943 г. московские сотрудники приняли участие в научном заседании, посвященном 100-летию со дня рождения Д. Н. Анучина, и 23—25 декабря того же года — в научной сессии, посвященной этногенезу славян, которая проводилась в Государственном историческом музее³⁶.

В августе 1943 г. по настоянию ленинградских сотрудников была организована научно-исследовательская группа, в которую вошли научные работники смежных специальностей. Ее деятельность возглавил Ю. П. Францев; ученым секретарем была утверждена К. В. Вяткина, прочитавшая на первом заседании доклад о пережитках материнского рода у бурят³⁷.

Намечались и постепенно начали претворяться в жизнь планы восстановления научной деятельности в Ленинграде. Регулярно проводились научные заседания и в Ташкенте. В архивах и местных музеях Ташкента, Самарканда и Фрунзе ташкентцы выявили значительное количество этнографических материалов, которые использовали в своих докладах и исследованиях³⁸.

Совместно с сотрудниками эвакуированного ИИМК и кафедрой искусствоведения Среднеазиатского Государственного университета они провели научную сессию по проблемам первобытного искусства в Ташкенте и в сотрудничестве с местным музеем — по этнографии народов Средней Азии в Самарканде³⁹.

Сотрудники Института этнографии преподавали в вузах Ташкента и других городов Узбекистана, оказывали значительную помощь узбекским научным и музейным работникам. Оценивая помощь ленинградских ученых в развитии этнографической науки в республике, Президиум АН УзбССР наградил Институт этнографии АН СССР Почетной грамотой.

Научную работу сотрудников в Ленинграде и даже в Ташкенте обеспечивала институтская библиотека. Только к началу марта 1943 г. ташкентцам было отправлено 1100 книг (28 ящиков). Книги находились еще в восьми ящиках с другими научными материалами (преимущественно рукописями), которые готовили к отправке сотрудники Института⁴⁰.

В годы блокады ленинградцы проводили большую работу по обеспечению сохранности коллекций. Для предохранения предметов и имущества от сырости помещения в сухие и теплые дни проветривались. Коллекции проверялись на зараженность молью и жучками. Ткани, кожаные и меховые вещи выносили во двор, просушивали и проветривали, после чего во время укладки в хранилища пересыпали нафталином. В выборочном порядке то же самое проделывалось с вещами, упакованными в ящики. Когда обнаруживалось, что темнота, сырость, сотрясение во время бомбежек оказали отрицательное влияние на сохранность небольшой части анатомических коллекций, по указанию специалистов были приняты своевременные меры для приведения экспонатов в порядок⁴¹.

Все виды работ находились в поле зрения музейных работников, даже такие, казалось бы, незначительные, но тем не менее необходимые, как проверка всех

ключей, изготовление новых ключей к незакрывавшимся шкафам и сундукам, составление списков шкафов и снабжение их бирками.

Все время блокады приходилось оперативно решать вопросы сохранности самого здания, сильно страдавшего от налетов вражеской авиации и артиллерийских обстрелов (была повреждена кровля здания, разрушена часть парапета и балаясников, нанесены повреждения кирпичным стенкам и штукатурке, нарушена изоляция подвальных бетонных полов, разбита часть оконных переплетов, перекошены двери, выбиты оконные стекла). Кроме повреждения конструктивных элементов здания частично пострадало и оборудование музея от осколков, а также от сырости и протечек⁴².

Согласно официальному отчету, в годы блокады «из экспонатов пострадали модели японских парусников, поцарапаны японские лаковые изделия. Повреждены некоторые части моделей жилищ, частично повреждены некоторые культовые маски („уам“) монгольской экспозиции. У некоторых экспонатов в Отделе фондов (щиты, оружие) отвалились мелкие части, повреждена часть манекенов, от сырости покоробилась часть иллюстративного материала, текстажа и фотоэкспонаты»⁴³. Какая скрупулезная точность в оценке повреждений! Какое осознание своей личной ответственности за сохранность не только уникальных коллекций, но и самого обычного музейного имущества!

Музей понес колоссальный урон. Он подсчитан при оценке поврежденного имущества, прежде всего исторического здания Кунсткамеры, и составил на конец 1943 г. 2 437 538 руб. В состав Чрезвычайной комиссии по расследованию и установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников по выявлению и учету причиненного ущерба по ленинградским учреждениям АН СССР 20 мая 1943 г. была включена от МАЭ и.о. ученого секретаря Института в Ленинграде К. В. Вяткина⁴⁴.

Перестроечные процессы, начавшиеся в Институте в 1943 г., по существу были закреплены в научно-организационном и научном плане в 1944 г. Решением Президиума АН СССР от 9 февраля 1944 г. Институту этнографии АН СССР разрешалось организовать отделение в Москве. Быстро рос численный состав московской части Института, что позволило С. П. Толстому существенно пересмотреть планы научной деятельности Института, изменить состав исполнителей основных работ.

Известно, что до войны в Ленинграде велась работа по подготовке четырехтомника «Народы СССР» и двухтомника по зарубежным народам. Теперь эти издания были объединены, новая серия получила название «Народы мира». Ленинграду были оставлены тома «Народы Средней Азии» и «Народы Сибири». Центр по подготовке всех других томов оказался перенесенным в Москву, хотя некоторые из них практически были завершены в довоенный период, например, по восточным славянам и неславянским народам Европейской части СССР⁴⁵.

Ленинградская часть была по-прежнему разделена на две группы — ташкентскую и собственно ленинградскую. После полного снятия блокады 27 января 1944 г. создались условия для возвращения сотрудников в родной город. 19 мая в Ленинград вернулся и.о. ученого секретаря Института в Ташкенте Д. А. Ольдерогге, 19 июня Г. М. Василевич, 14 августа зам. директора Н. Н. Степанов, возглавивший ленинградскую часть Института, а также А. А. Попов, М. В. Степанова и М. М. Посенковская. Из других городов вернулись И. И. Зарубин (12 сентября), Н. В. Кюннер (16 сентября), В. В. Гинзбург (1 октября), Т. Л. Юзепчук (1 декабря), М. А. Сергеев (1 ноября)⁴⁶.

Увеличение состава за счет возвратившихся сотрудников (новых в Ленинграде, в отличие от Москвы, не появлялось) создало лучшие условия для организации наблюдения за сохранностью музейных коллекций, научных материалов и имущества. Это позволило приступить к возрождению структуры отделов. Заведование Отделом Сибири с 1 октября было возложено на А. А. Попова, Отделом Восточной и Южной Азии — на Н. В. Кюннера, Отделом Передней и Средней Азии —

на И. И. Зарубина ⁴⁷. В конце года в Институт были зачислены первые аспиранты: Л. А. Молчанова, Т. В. Станюкович, А. И. Новиков, В. Г. Кузнецова ⁴⁸.

Ленинградские сотрудники получали материальную помощь в виде ордеров на приобретение одежды и обуви. 3 октября 1944 г. с заявлением в дирекцию по такому вопросу обратился Н. В. Кюнер: «Находясь в течение трех лет в эвакуации и не получая никакого промтоварного снабжения, я совершенно обносился и остро нуждаюсь в ботинках, которые проносились настолько, что их не берут в ремонт, и галошах, которые прорвались и протекают. Для наступающей зимы я нуждаюсь в костюме (зимнем), так как имею лишь летний костюм» ⁴⁹.

Несмотря на все трудности, сотрудники подписались на 8070 руб., что составляло 131,33% от их зарплаты ⁵⁰. Используя уже накопленный опыт, сотрудники занимались огородничеством ⁵¹. Радостным событием в конце 1944 г. было награждение первой группы сотрудников драгоценной наградой — медалью «За оборону Ленинграда». В 1944 г. велась переписка с вышестоящими академическими инстанциями о необходимости реэвакуации всех остальных сотрудников.

В 1945 г. происходил значительный рост научного потенциала коллектива в Москве и частичное восстановление его в Ленинграде. Нельзя согласиться с утверждением, что «по мере возможности были восполнены потери в научных кадрах, которые понес Институт в первые годы войны» ⁵². К концу 1945 г. в штате Института насчитывалось 148 человек, примерно поровну распределенных между Москвой и Ленинградом ⁵³.

Напомню, что коллектив Института в Ленинграде в первой половине 1941 г. насчитывал 108 человек. Политика С. П. Толстова, направленная на перегоняние центра Института в Москву и создание там численно превосходящего ленинградскую часть коллектива, восторжествовала при полной поддержке Президиума АН СССР.

Залечивал свои раны Ленинград, но людские потери оказались тяжелыми и невосполнимыми. Каждый раз были радостными встречи с возвращавшимися из эвакуации или с фронта сотрудниками. 20 апреля 1945 г. вернулся из Самарканда Д. К. Зеленин, а 17 мая приступили к работе вернувшиеся из Ташкента руководитель группы Е. Э. Бломквист, заведующая библиотечным абонементом Ю. М. Лихтенберг, С. М. Абрамзон, Л. Э. Каруновская, Л. Б. Панек, Е. М. Пещерева, Б. В. Фирштейн, Г. Г. Стратанович, Ф. Б. Шапиро и Т. С. Земскова, а также С. В. Иванов, возвратившийся из Сталинабада. Восстановлены в своих должностях Э. В. Зиберт, К. Л. Задыхина, С. Н. Замятнин, а также зачислены в штат бывшие воины Н. Н. Волков, Г. А. Гловацкий... ⁵⁴ «Тогда считать мы стали раны, товарищей считать...».

Приказом директора Института от 21 мая 1945 г. в Ленинграде были образованы уже не отделы, а группы Европы во главе с Е. Э. Бломквист, Америки и Океании во главе с Д. А. Ольдерогге ⁵⁵. Просто нельзя не обратить внимания на волюнтаристское распоряжение кадрами: американистка Е. Э. Бломквист, например, при наличии в штате выдающего слависта чл.-корр. Д. К. Зеленина была назначена руководить группой Европы, а африканиста Д. А. Ольдерогге призвали руководить группой Америки и Океании. Может быть, теперь это воспринимается как нонсенс, а тогда все молчали и находили этому обоснование...

Велика была радость, гордость за происходящие события. Ленинградцы всю первую половину 1945 г. готовились к открытию Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. К 220-летию АН СССР (июнь 1945 г.) была развернута юбилейная выставка. Временные выставки следовали одна за другой: по Болгарии, Индонезии, по айнам; выставлены были коллекции Н. Н. Миклухо-Маклая... ⁵⁶. 13 мая прошла научная сессия памяти В. Г. Богораза, а 7—17 июня была проведена большая научная сессия, в которой участвовали многие сотрудники Института ⁵⁷.

Однако главную радость составляло осознание, что все горести позади, а впереди много любимой работы, что многонациональный советский народ одержал великую Победу. Трудная жизнь и напряженная работа продолжались... ⁵⁸.

- ¹ Петербургский филиал Архива Российской Академии наук. Ф. 42. Оп. 1 (1942). Ед. хр. 32. Л. 20 (далее — ПФА РАН).
- ² Там же. Л. 19.
- ³ Имеется в виду Ладожское озеро, через которое проходила эвакуация из Ленинграда на Большую Землю в 1942 г.
- ⁴ Речь идет о готовившемся переезде сотрудников Института этнографии АН СССР из Елабуги и устройстве в Ташкенте.
- ⁵ *Алексеев Василий Михайлович* (1881—1951) — синолог, академик (1929), профессор ЛГУ, заведующий Дальневосточным Кабинетом Института востоковедения АН СССР. Во время войны в эвакуации находился в Боровом.
- ⁶ ПФА РАН. Ф. 1049. Оп. 3. Ед. хр. 203. Л. 1—2.
- ⁷ Do ut des (лат.) — «даю, чтобы и ты мне дал».
- ⁸ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1942). Ед. хр. 7. Л. 6, 8.
- ⁹ Там же. Ф. 1045. Оп. 2. Ед. хр. 112. Л. 3.
- ¹⁰ Post factum (лат.) — букв. после сделанного, после того, как что-либо уже произошло.
- ¹¹ ПФА РАН. Ф. 1045. Оп. 2. Ед. хр. 112. Л. 1.
- ¹² *Рабинович М. Г.* Институт этнографии в годы Великой Отечественной войны // Советская этнография (далее — СЭ). 1946. № 1. С. 226; *Жданко Т. А., Ралопорт Ю. А.* Годы войны в жизни С. П. Толстова // Этнографическое обозрение (далее — ЭО). 1995. № 3. С. 69.
- ¹³ Подробнее см.: ПФА РАН. Ф. 1045. Оп. 2. Ед. хр. 10. Л. 7—9. 13 марта 1943 г. проф. И. Н. Винникову был отправлен ответ за подписью вице-президента АН СССР акад. А. А. Байкова: «Президиум АН СССР, ознакомившись с Вашим заявлением на имя Президента АН СССР академика В. Л. Комарова по поводу Вашего освобождения от должности Директора Института этнографии сообщает Вам, что освобождение Ваше от указанной должности не может рассматриваться как совершенная по отношению к Вам несправедливость и не находит оснований для пересмотра этого постановления» // Там же. Л. 10.
- В архивном фонде И. Н. Винникова также сохранился черновик его письма Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину по этому же вопросу, но неизвестно, посылалось ли оно адресату или И. Н. Винников смирился и сложил оружие, поняв, что добиться пересмотра принятого решения ему уже не удастся // См. Там же. Л. 11—15.
- ¹⁴ Об этом, в частности, см.: *Формозов А. А.* Русская археология до и после революции. М., 1995. С. 78.
- ¹⁵ *Фрейман Александр Арнольдович* (1879—1968) — известный ученый-иранист, профессор Ленинградского университета, член-корр. АН СССР (1928). Во время эвакуации жил в Боровом.
- ¹⁶ Очевидно, пуф происходит от французского роуф, что означает ложь, вымысел. Как понятно, такая оценка ситуации отражает исключительно личный взгляд А. А. Попова и в значительной мере обобщается переживаниями момента, сложностями жизни в блокадном Ленинграде, трудностями и неустроенностью быта в эвакуации.
- ¹⁷ Рукописный отдел Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Ф. 1109. Ед. хр. 1040. Л. 10.
- ¹⁸ Письмо М. Г. Рабиновича автору от 10 июня 1995 г.
- ¹⁹ Как считает В. Р. Кабо, С. П. Толстов решил сделать М. О. Косвена своим главным теоретиком и поручил ему разрабатывать матриархальную теорию, удобную тем, что ее приверженцами были Энгельс и Сталин. См.: *Кабо В.* Дорога в Австралию. Воспоминания. Нью-Йорк, 1995. С. 109.
- ²⁰ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1943). Ед. хр. 9. Л. 4, 5.
- ²¹ Там же. Л. 17.
- ²² Там же. Л. 19.
- ²³ Там же. Л. 18.
- ²⁴ Там же. Ед. хр. 18. Л. 62.
- ²⁵ Там же. Л. 62.
- ²⁶ Там же. Л. 63.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ *Токарев С. А.* Из дневников // Благодарим судьбу за встречу с ним. О Сергее Александровиче Токареве — ученом и человеке. М., 1995. С. 181.
- ²⁹ Там же. С. 184. Попутно отмечу, что дневниковые записи С. А. Токарева являются добротным источником для изучения работы московской группы Института этнографии в военные годы.
- ³⁰ Рукописный отдел Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Ф. 1109. Ед. хр. 1003. Л. 1.
- ³¹ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1943). Ед. хр. 18. Л. 61—62.
- ³² Об этом см.: *Абрамзон С. М.* Программа ближайших работ Института этнографии АН СССР // Сб. «Советская этнография». Т. II. М.; Л., 1939. С. 208—210.
- ³³ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1943). Ед. хр. 34. Л. 12, 13.
- ³⁴ Письмо М. Г. Рабиновича автору от 10 июня 1995 г.
- ³⁵ Подробнее см.: *Рабинович М. Г.* Указ. раб. С. 232; ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1944). Ед. хр. 5. Л. 4, 12, 15.
- ³⁶ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1943). Ед. хр. 18. Л. 131.
- ³⁷ Там же. Ед. хр. 26. Л. 64.
- ³⁸ Подробнее см.: *Рабинович М. Г.* Указ. раб. С. 230.

- ³⁹ Жданко Т. А., Рапопорт Ю. А. Указ. раб. С. 72.
⁴⁰ Там же. Оп. 1(1943). Ед. хр. 1. Л. 28.
⁴¹ Там же. Ед. хр. 18. Л. 31.
⁴² Там же. Ед. хр. 21. Л. 1
⁴³ Там же.
⁴⁴ Там же. Л. 12—18, 54.
⁴⁵ О работе Московской части Института в 1944 г. подробнее см.: Рабинович М. Г. Указ. раб. С. 230—233.
⁴⁶ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1(1943). Ед. хр. 34. Л. 22, 25, 29, 30, 32, 33; Там же. Оп. 1(1944). Ед. хр. 23. Л. 8, 16.
⁴⁷ Там же. Оп. 1(1944). Ед. хр. 23. Л. 4—5, 7.
⁴⁸ Там же. Л. 10, 13, 14.
⁴⁹ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1(1944). Ед. хр. 21. Л. 126.
⁵⁰ Там же. Л. 28.
⁵¹ Там же. Л. 49.
⁵² Рабинович М. Г. Указ. раб. С. 233.
⁵³ Там же.
⁵⁴ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1(1944). Ед. хр. 23. Л. 20, 25, 26, 37.
⁵⁵ Там же. Л. 24.
⁵⁶ Антропова В. В. Музей антропологии и этнографии в 1946 г. // СЭ. 1947. № 1. С. 193—195.
⁵⁷ ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1(1946). Ед. хр. 5. Л. 33.
⁵⁸ Вопросы истории деятельности Института этнографии АН СССР неоднократно рассматривались в различных статьях главным образом юбилейного характера. Данная статья построена преимущественно на архивном материале. По своей сути она тесно связана с моей статьей «Отдание долга» (Этнографическое обозрение. 1995. № 2—4) и представляет с ней единое целое. Автор будет считать свою цель достигнутой, если данная статья будет способствовать развитию исследований по истории отечественной науки.

Paying the Debts. Part III. Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences During the Great Patriotic War (conclusion)

The present essay is the concluding part of the three-part article devoted to the Institute's activities during the 1941—1945 war. Here the Institute's work prior to the war, during the blockade and after its lifting is described. The article is based on archives materials.

A. M. Reshetov